

© 2008 г.

М.А. ФИЛИМОНОВА

ТАЛЕЙРАН В США

Шарль Морис де Талейран-Перигор происходил из весьма древнего аристократического семейства Франции. Согласно фамильному преданию, один из его предков осмелился спросить основателя династии Капетингов Гуго Капета: "Кто сделал тебя королем?" Но высокое происхождение не принесло богатства его потомкам. Родители Талейрана едва могли поддерживать образ жизни, какого в то время ожидали от высшей знати¹. Во второй половине XVIII в. планка была высокой. Одна из героинь Шодерло де Лакло² восклицала: "Мы живем не во времена госпожи де Севинье³. Роскошь поглощает все: ее порицают, но приходится за нею тянуться, и в конце концов излишества поглощают необходимое"⁴. Именно такой образ жизни Шарль Морис с детства воспринимал как должное. Неудержимая жажда богатства владела им всю жизнь. Она же стала лейтмотивом его пребывания в США. Еще одно предопределило жизненный путь Талейрана. В детстве Шарль Морис серьезно повредил ногу в результате падения. Хромота закрывала ему дорогу к традиционной для его рода военной карьере. Юноше оставалась церковь – жизненный путь, до нелепости не сочетавшийся с его страстью к роскоши и власти, также как и с его цинизмом. К 1789 г., когда Талейран принял сан епископа Отенского⁵, его атеизм успел стать притчей во языцех.

В начале Французской революции карьера Талейрана казалась безоблачной. Он играл видную роль в Национальном собрании и в правящей партии фельянов⁶. Именно епископ Отенский в 1789 г. предложил осуществить такой важный шаг, как национализация церковных имуществ. Он же участвовал в подготовке знаменитой Декларации прав человека и гражданина. Словом, Шарль Морис был одним из признанных вождей революции. В это же время начинается его карьера дипломата. Он становится членом Дипломатического комитета Национального собрания и мечтает о министерском портфеле.

Однако Талейрану, как и многим другим, пришлось убедиться, что "принципы 1789 г." стали лишь отправной точкой, а не завершением революции. После антимонархического восстания 10 августа 1792 г. он был вынужден покинуть Францию. Впрочем, с присущей ему ловкостью Шарль Морис сумел оформить свою эмиграцию как дипломатическую миссию в Лондон, где надеялся переждать опасное время (дипломатиче-

Филимонова Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, теории и методики социальной работы Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета.

¹ Lawday D. *Napoleon's Master: A Life of Prince Talleyrand*. New York, 2007, p. 11.

² Шодерло де Лакло (1741–1803) – французский писатель и политический деятель.

³ Севинье Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де (1626–1696), французская писательница, мастер эпистолографического жанра.

⁴ Прево А.Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско. Лакло Ш. де. Опасные связи. М., 1985, с. 353.

⁵ Он сложил с себя сан в 1791 г.

⁶ Талейран был в числе учредителей "Общества 1789 г.", ставшего ядром этой партии: Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999, с. 17.

ский паспорт ему вручил тогдашний министр юстиции Жорж Дантон)⁷. А между тем в Париже происходили события, отразившиеся и на его положении. Во время процесса Людовика XVI был обнаружен личный сейф свергнутого короля – знаменитый "железный шкаф". Бумаги из "железного шкафа" свидетельствовали, что бывший епископ Отенский еще в 1791 г. предлагал свои услуги королевскому двору. Революционеры, конечно, расценили это как измену. 5 декабря 1792 г. Конвент возбудил против Талейрана официальное обвинение и объявил его эмигрантом. Это означало, что в случае возвращения на родину его ожидает гильотина. Английские власти также не сочли присутствие Талейрана желательным для себя. В январе 1794 г. ему предложили покинуть Великобританию. 3 марта 1794 г. парусник "Уильям Пенн" увез Талейрана и его компаньона Бомеца прочь от туманного Альбиона – к берегам Нового Света⁸.

Мощные прямые улочки Филадельфии конца XVIII в., узкие фасады из красного кирпича и впечатляющее георгианское здание Индепенденс-Холл неизменно восхищали иностранцев. В год приезда Талейрана, впрочем, Город братской любви⁹ казался более мрачным, нежели обычно. Столица США едва успела оправиться от крупной эпидемии желтой лихорадки, унесшей в 1793 г. более 4 тыс. жизней (ок. 1/10 всего населения города). Однако прагматичного француза мало интересовали как красоты, так и беды его нового пристанища. "Я приехал туда, преисполненный нерасположения к новизнам, которые обычно интересуют путешественников. С трудом я возбудил в себе некоторое любопытство"¹⁰, – вспоминал он впоследствии.

Красочная зарисовка Р. Киплинга, изобразившего Талейрана в Филадельфии голым, оборванным эмигрантом, продававшим пуговицы на улицах, едва ли имеет под собой основания¹¹. Источники рисуют его интриганом и честолюбцем, который надеялся сблизиться с видными политиками США и войти в филадельфийское общество. Это ему удалось лишь отчасти. Граф де Море, один из французских эмигрантов в США, вспоминал: «При всем своем шарме Талейран так и не добился в филадельфийском обществе того успеха, какого заслуживали его манеры. Он скандализировал всех своим презрением к американской "респектабельности"»¹². Действительно, в Филадельфии бывший епископ Отенский завел роман с хорошенькой мулаткой и прогуливался с ней по улицам, не обращая внимания на возмущение добропорядочных квакеров¹³.

В Филадельфии Талейран нашел небольшую колонию французских эмигрантов, которые собирались в книжной лавке на Первой улице, 84, принадлежавшей Моро де Сен-Мери. Это была самая пестрая компания: роялисты и либералы, бежавшие сюда от Французской революции; "большие белые" – креольские аристократы с Гаити, вынужденные спасаться от восставших рабов. Здесь можно было встретить людей, чьи имена в первые годы революции гремели на всю Францию: герцога де Ларошфуко-Лианкура и виконта де Ноайля¹⁴. Французы покупали в складчину приличный ужин и за бутылочкой мадеры обсуждали новости своей далекой родины. Иногда вечеринки

⁷ См.: *Lawday D.* Op. cit., p. 57–66; *Jourdan L.* Talleyrand et l'établissement du système métrique. <http://www.talleyrand.org/>

⁸ О пребывании Талейрана в США см. также: *Тарле Е.В.* Соч. в 12 т. М., 1959, т. 11, с. 42–43; *Борисов Ю.В.* Шарль-Морис Талейран. М., 1989, с. 49–62.

⁹ Так переводится с древнегреческого "Филадельфия".

¹⁰ *Талейран Ш.М.* Мемуары. М., 1959, с. 136.

¹¹ *Киплинг Р.* Подарки фей. М., 1996, с. 226–232.

¹² Цит. по: *Bernard J.F.* Talleyrand. A Biography. New York, 1973, p. 154.

¹³ *Poniatowski M.* Talleyrand aux Etats-Unis, 1794–1796. Paris, 1967, p. 165.

¹⁴ *Cooper D.* Talleyrand. London, 1964, p. 74; *La Rochefoucauld J.D. de, e.a.* Le Duc de La Rochefoucauld-Liencourt, 1747–1827. De Louis XV à Charles X. Un grand seigneur patriote et le mouvement populaire. Paris, 1980, p. 251. Лианкур и Ноайль были видными деятелями умеренного крыла революционеров; Ноайль стал одним из инициаторов отмены некоторых феодальных привилегий в так называемую "ночь чудес" – 4 августа 1789 г.

принимали столь шумный характер, что гостеприимный хозяин не знал, как унять приятелей.

Талейран добивался сближения с американскими политическими лидерами. В мае 1794 г., например, он обедал с вице-президентом Дж. Адамсом¹⁵. С Гамильтоном у Талейрана установились самые дружеские отношения. Он привез с собой рекомендательные письма лорда Лэнсдауна и очаровательной и экстравагантной Анжелики Черч, дочери американского генерала Филиппа Скайлера. Рекомендация прекрасной дамы, вне сомнения, оказалась волшебным ключиком, с помощью которого Талейран проник в общество Александра Гамильтона. Американский министр финансов был женат на сестре прелестной Анжелики и питал к невестке самые дружеские чувства (а злые языки уверяли, что дружбой дело не ограничивалось). Он также познакомился с беспринципным авантюристом Аароном Бэрром, который десять лет спустя убьет на дуэли Гамильтона, считая его виновником своего поражения на президентских выборах, а еще позднее попытается выкроить себе империю на западе США.

Французский посол в США Жозеф Фоше усмотрел в прибытии Талейрана в Филадельфию какую-то сложную английскую интригу против Франции и с чувством праведного негодования наблюдал за попытками эмигранта сблизиться с влиятельными американскими политиками. Он писал в Париж: Талейрана и Бомеца "рекомендовали м-ру Гамильтону, секретарю Соединенных Штатов (sic!), который их принял, обласкал и представил своим друзьям. Их приглашают обедать во все порядочные дома... Гамильтон хотел, чтобы они были представлены президенту США"¹⁶. Сам Фоше как-то был приглашен на прием, где присутствовал Талейран. Суровый якобинец тотчас демонстративно удалился с твердым намерением не переступать больше порога этого дома. Вашингтону француз предъявил ультиматум: "Если Талейран будет принят в президентском дворце, я никогда больше там не покажусь; следует выбирать между эмигрантом и мною"¹⁷.

Возможно, именно поэтому президент проявлял в отношении Талейрана сугубую сдержанность, которую тщетно рекомендовал и своему министру финансов. Он писал Гамильтону: "Мое желание и мой долг как должностного лица Республики – по возможности не оскорблять державы, с которыми мы в дружбе, не вести себя неприятным для них образом по отношению к проскрибированным там гражданам"¹⁸. В то же время эти эмигранты, если они добропорядочны, могут рассчитывать на защиту своей личности и имущества и на покровительство наших законов. В остальном им следует рассчитывать на любезность обычных граждан, менее связанных политическими соображениями, чем слуга государства"¹⁹. Если здесь и заключался скрытый упрек Гамильтону, далеко не всегда осторожному при общении с иностранцами²⁰, то министр финансов пропустил его мимо ушей. У него сохранялись с Талейраном самые дружеские отношения. Так, лето 1795 г. Тайлеран проводит в Нью-Йорке, спасаясь от удушающей филадельфийской жары. М-м де Латур-Дюпэн, жена французского эмигранта, описывала вечера, которые летом 1795 г. проводили вместе ее муж, Талейран и Га-

¹⁵ John Adams to Abigail Adams, 3 May 1794 [electronic edition]. Adams Family Papers: An Electronic Archive. Massachusetts Historical Society. <http://www.masshist.org/digitaladams/>

¹⁶ Цит. по: *Poniatowski M.* Op. cit., p. 86.

¹⁷ Цит. по: *Борусов Ю.В.* Указ. соч., с. 49.

¹⁸ Проскрибированный – внесенный в списки лиц (проскрипции), которых разрешалось убить без суда (практика, применявшаяся в эпоху гражданских войн в Риме I в. до н.э.). В общем смысле – репрессированный.

¹⁹ G. Washington to A. Hamilton, May 6, 1794. – *Washington G.* The Writings from the Original Manuscript Sources, 1745–1799: 39 vols. Ed. by J. C. Fitzpatrick. Washington (D.C.), 1931–1944, v. 33, p. 352–353.

²⁰ Довольно сомнительные контакты Гамильтона с английским агентом в США Дж. Беквитом создали министру финансов незаслуженную репутацию английского шпиона. См., напр.: *Boyd J.P.* Number 7. Alexander Hamilton's Secret Attempts to Control American Foreign Policy. With Supporting Documents. Princeton (N. J.), 1964; *Печатнов В.О.* Гамильтон и Джефферсон. М., 1984, с. 197–198.

мильтон. Все трое пили чай на террасе под звездным небом, и беседа перескакивала с Войны на независимость США то на культуру Индии, то на французские конституционные теории²¹.

И в то же время американец не переставал изумлять француза. Та же м-м де Латур-Дюпэн передавала следующий отзыв Талейрана о Гамильтоне: "Он находил очень необычным, что человек такого ума, наделенный столь исключительными талантами, оставил министерство, чтобы вернуться к профессии адвоката, и объяснял свое решение тем, что пост министра не дает средств на содержание его восьми детей. Такой предлог казался мсье де Талейрану довольно странным и, откровенно говоря, даже немного нелепым"²². Приятельские отношения между ним и Гамильтоном сохранялись и позже, даже когда Талейран уже вернулся во Францию, и завершились лишь в период "необъявленной войны" 1798 г.

В мемуарах Талейран писал: "Я провел там [в США] около 30 месяцев без иного повода, кроме желания удалиться из Франции и Англии, и без иных интересов, кроме наблюдения и изучения этой великой страны, история которой только начинается"²³. Известный лицемер лукавил и на этот раз. "Иные интересы", конечно, присутствовали. В его голове теснилось множество планов: создание Азиатского банка для торговли США с Индией, спекуляции на денежных переводах из Филадельфии в Лондон и обратно. Талейрану казалось, что набобы, нажившие в Индии огромные состояния, будут рады поместить свои капиталы в какое-нибудь надежное предприятие – например, в банк. Такой банк можно основать в Лондоне или в США.

Он интересуется финансированием торговых связей между США и Индией. Для снаряжения экспедиции американский импортер должен был вложить предварительно солидную сумму в звонкой монете. Но где ее можно было достать в США, не располагавших в то время собственными золотыми или серебряными рудниками? К тому же валюта постоянно "убегала" из Америки за счет пассивного торгового баланса с Европой. Вот тут и должен был вмешаться Индийский банк Талейрана и предоставить торговцам кредиты. Талейран направил проект Гамильтону, но положительного ответа не получил²⁴.

Он собирался также кредитовать торговлю с Антильскими островами, нормализовать курс доллара по отношению к европейской валюте, спекулировать западными землями в США. Все предложенные операции требовали немалых капиталовложений. Талейран капиталами не располагал и мог лишь советовать другим схемы все новых способов обогащения, надеясь войти в долю.

Сам он пытался спекулировать ценными бумагами американского казначейства и акциями Банка США: закупить их и перепродать в Лондоне, выгадывая на разнице курсов. Увы, афера оказалась не слишком прибыльной: Талейран получил лишь 352 долл. в качестве дивидендов²⁵.

Еще один излюбленный его проект: спекуляции землями в районе так называемого "Старого Северо-Запада". После Северо-Западного ордонанса 1787 г. регион охватила спекулятивная горячка. Много участков продали европейцам, и зачастую это были земли, непригодные для обработки или занятые индейцами, как это было с компанией Скиото²⁶. Французский памфлет того времени с описанием Огайо производит впечатление волшебной сказки. Американский Запад предстает как край с умеренным климатом, где сами по себе, в дикорастущем состоянии разводятся тутовые деревья, вино-

²¹ *La Tour du Pin H. London, de. Journal d'une femme de cinquante ans. Paris, 1914, v. 2, p. 82–83.*

²² *Ibid.*, p. 37. Не случайно первыми словами самого Талейрана, когда Директория сделала его министром иностранных дел, было: "Место за нами! Нужно себе составить на нем громадное состояние, громадное состояние, громадное состояние!" (цит. по: *Тарле Е.В. Соч.*, т. 11, с. 48).

²³ *Талейран Ш.М. Указ. соч.*, с. 145.

²⁴ *Poniatowski M. Op. cit.*, p. 241.

²⁵ *Ibid.*, p. 265.

²⁶ См.: *Martzolff C.L. History of Perry County, Ohio. Columbus, 1902, p. 68–70.*

град, конопля и рис, а холмы изобилуют железной рудой и бесчисленными соляными источниками²⁷. Г. Моррис комментировал в письме из Парижа: "Здесьние покупатели по большей части невежественны в географии. Так что они не считают леса неудобством, и их пленяет мысль о собственном замке (в Америке. – М.Ф.), окруженном величественными деревьями. Естественно, они ожидают найти в нашей непроходимой глуши великолепные дороги, и воображение рисует им бесчисленные баржи на каждой реке"²⁸.

Талейран также поддался спекулятивной лихорадке. Как писал он сам: "Необработанные земли... представляют собой товар, который капиталисту полезно закупать в больших количествах. Это обещает прибыль, поскольку продажи совершаются ежедневно, спрос растет с каждым днем... Придержать подобный товар – операция без риска, поскольку он не может испортиться, и не нужно никаких расходов, чтобы сохранить его до дня продажи"²⁹. Самовольные захватчики чужих земель, скваттеры, представлявшие бедствие для всех земельных спекулянтов в Америке, Талейрана не смущали: он полагал, что первичная обработка земли, которую проведут эти поселенцы, лишь повысит ценность земельных участков, а сами скваттеры едва ли откажутся за определенную плату узаконить свое владение³⁰. В начале 1796 г. Талейран купил у крупного финансиста Р. Морриса около 107 тыс. акров и заработал на перепродаже свыше 142 тыс. долл.³¹ Впрочем, это была самая крупная прибыль, полученная им в США. Миллионером, как ему мечталось, он не стал.

Практически со времени плавания Колумба Америка стала для европейцев контр-образом их собственного мира. Первооткрыватели подчеркивали ее новизну, ее экзотику. Здесь даже океан казался другим, не говоря уже о людях и животных. На Америку проецировались образы "золотого века" и "естественного состояния". Колумб верил, что нашел земной рай. Тогда же, в XVI в., формируется и полярный образ: представление об "ущербности" Америки³².

Для французских путешественников, посетивших США во время Войны за независимость или в первые годы после ее окончания, заокеанская республика была воплощением утопии – образцом свободного государства, олицетворением патриархальной чистоты нравов и страной всеобщего равенства³³.

Образ Америки, сложившийся у эмигрантов из кружка, собиравшегося в книжной лавке Моро де Сен-Мери, был словно пронизан полемикой с этими неумеренными восторгами. Так, Ларошфуко-Лианкур был убежден в том, что в США напрасно было бы искать равенство или республиканскую чистоту нравов: "Хотя здесь нет различий, признанных законом, состояние и природа профессий создают классы с четкими границами... Сильно обманулся бы тот, кто решил, что республиканские нравы в какой бы то ни было форме преобладают в Америке"³⁴.

Талейран, в общем, был согласен со своими приятелями. Как можно заключить уже из его поведения в Филадельфии, США, с их пуританской строгостью нравов, бы-

²⁷ Contemporary Description of Ohio in 1788. – Ohio Archaeological and Historical Quarterly, v. 3 (1891), p. 92.

²⁸ Цит. по: *Poniatowski M.* Op. cit., p. 269. Не путать Г. Морриса, американского посла во Франции в 1792–1794 гг., с его однофамильцем банкиром Р. Моррисом, о котором также идет речь в этой статье.

²⁹ Talleyrand in America as a Financial Promoter. 1794–1796. Unpublished Letters and Memoirs: 3 vols. Washington, 1942, v. 2, p. 147.

³⁰ Ibid., p. 152.

³¹ *Борисов Ю.В.* Указ. соч., с. 56.

³² *Паниотова Т.С.* Рождение утопии: латиноамериканский контекст. – Вопросы философии, 2005, №10, с. 69–72.

³³ См. об этом: *Chinard G.* L'Amérique et le rêve exotique dans la littérature française au XVII-e et XVIII-e siècles. Paris, 1913; *Echeverria D.* Mirage in the West: A History of the French Image of American Society to 1815. Princeton, 1957; *Hill P.P.* The French Perceptions of the Early American Republic, 1783–1793. Philadelphia, 1988.

³⁴ *La Rochefoucauld-Liancourt F.A.F.* Voyage dans les Etats-Unis d'Amérique, fait en 1795, 1796 et 1797. Paris, 1799, v. 8, p. 156.

ли довольно странным местом для утонченного и циничного французского аристократа. Он, например, никак не мог понять, почему американцы придают такое значение супружеской верности. Попытки американской аристократии копировать европейцев казались ему неуклюжими. А всеобщая погоня за деньгами отталкивала его своей грубостью³⁵. (Впрочем, как мы уже видели, в этом последнем пункте он не так уж сильно отличался от американцев.)

В мемуарах, например, он приводит следующую беседу с американцем с фронта, как американцы называли свою границу: «Я спросил его, бывал ли он в Филадельфии. Он ответил, что еще не бывал, а между тем ему было около 45 лет. Я едва решился спросить его, знает ли он генерала Вашингтона. "Я никогда не видел его", – сказал он мне. "Если бы вы отправились в Филадельфию, были бы вы рады увидеть его?" – "О да! конечно, но я бы хотел, – добавил он, и глаза его оживились, – видеть Бингама, про которого говорят, что он так богат". В Америке я часто встречал такой же и часто так же грубо выраженный восторг перед деньгами»³⁶. Ларошфуко-Лианкур тоже отмечал: "Эта резко выраженная страсть к богатству в Америке... ведет к безразличию в вопросе о средствах... Эта особенность естественна для нового народа, к тому же оказавшихся в таком краю и в таких условиях, которые предоставляют средства насытить алчность. Но от этого она не менее пагубна. Она несет в себе опасность, притупляя любовь к свободе"³⁷.

В целом Талейран полагал – и не без оснований, – что американский народ находится еще в процессе становления и не обладает четко выраженным национальным характером³⁸.

Свои наблюдения, в отличие от многих путешественников, он основывал не только на посещении развитых городов восточного побережья США. Во время своего пребывания в Америке он предпринял большое путешествие по фронтиру. В поездке его сопровождали неизменный компаньон голландец Хейдекопер, неразлучный приятель Бомец и лакей Куртиад. Путешественники облачились в куртки из оленьей кожи и мокасины, вооружились карабинами и отправились "покорять американский Запад". Их путь лежал в приграничные районы штатов Пенсильвания и Нью-Йорка, в район Мэна. Главная их цель состояла в реализации проектов новых земельных спекуляций.

В этом путешествии для историка интересна странная избирательность восприятия Талейрана, которая много говорит и о ранней Америке, и о самой личности наблюдателя. Впрочем, общий образ фронтира, сложившийся у Талейрана, довольно традиционен для XVIII в.: это путешествие к моменту зарождения человеческого общества. Как писал он сам в мемуарах: "Кажется, что путешествуешь в глубь истории, от конца к началу прогресса человеческого разума"³⁹.

В остальном, наблюдения Талейрана носят отчетливый отпечаток его проектов обогащения. Всего остального он просто не замечает. Ниагарский водопад, например, воспетый Шатобрианом, явно не произвел на Талейрана ни малейшего впечатления. На дикую природу американского фронтира он смотрел глазами хорошего экономиста, а не поэта: "Я был поражен: менее чем в пятидесяти лье от столицы не было видно и следа человеческой деятельности; я видел природу совершенно необработанную, совершенно дикую; леса, столь же древние, как мир... Наше воображение разыгрывалось на этом обширном пространстве, мы строили там мысленно города, деревни, поселки; на горных вершинах должны были остаться леса, склоны должны были покрыться нивами, и уже стада шли пастись на луга долины, расстилавшейся перед нашими глазами"⁴⁰.

Да и вообще в образе США, сложившемся у Талейрана, преобладали отнюдь не романтические образы, а сюжеты, связанные с экономикой. В отличие от большинства

³⁵ Талейран Ш.М. Указ. соч., с. 142.

³⁶ Там же, с. 141.

³⁷ La Rochefoucauld-Liancourt F.A.F. Op. cit., v. 8, p. 133.

³⁸ Talleyrand Ch.M. Mémoires, 1754–1815. Paris, 1982, p. 226–227.

³⁹ Ibid., p. 227. См. также: Talleyrand in America as a Financial Promoter, v. 2, p. 71.

⁴⁰ Талейран Ш.М. Указ. соч., с. 138.

иностранцев, посещавших Америку конца XVIII в., он вовсе не интересуется республиканизмом в этой стране. Сложная расстановка сил на политической арене США не привлекла особого внимания Талейрана – ни разногласия федералистов и республиканцев, ни даже сам факт существования политических партий в Америке. И это несмотря на то, что вопросы внешней политики, в частности, отношения к Франции, были для первой двухпартийной системы определяющими.

Зато он очень хорошо заметил отрицательный внешнеторговый баланс США и понял его причину: еще слабая промышленность не выдерживала английской конкуренции. Он писал своему английскому знакомому: "Потери при обмене [валюты] из Америки на Лондон – естественное состояние вещей и являются результатом огромного количества продукции ваших мануфактур, прибывающей в эту страну. М-р Гамильтон полагает, что Англия посылает сюда товаров более чем на 3 млн. ф. ст. в год. Америка не может расплатиться за них собственной продукцией"⁴¹.

Талейран считал такое положение вещей не только естественным, но в целом и желательным. Разумеется, он смотрел с точки зрения европейца. Своему другу Гамильтону он доказывал следующее: "Европа, – говорил я ему, – имеет и с успехом развивает все отрасли промышленности, производящие предметы роскоши и все то, что способствует увеличению удобств жизни. Новый свет обладает богатством, которое свойственно и подходит именно ему, он имеет сельскохозяйственные культуры"⁴². Собственно, Талейран предполагал закрепить за США роль аграрно-сырьевого придатка Европы.

По мнению Ю.В. Борисова, именно под влиянием американских впечатлений Талейран уделял особое внимание колониальному вопросу⁴³. Пребывание в США действительно заставило Талейрана серьезно задуматься о проблемах независимости колоний, что признавал и он сам⁴⁴. М. Понятовский, однако, находит для антиколониальной мысли Талейрана чисто французские источники: работы Г. Рейналя и Морелле, общение с уроженцем Гаити Моро де Сен-Мери⁴⁵.

Впрочем, полностью исключить американское влияние на Талейрана в данном вопросе невозможно: его проекты отношений "метрополия – колония" сильно напоминают соответствующие схемы, развивавшиеся американскими вигами (Т. Джефферсоном, Дж. Адамсом, П. Генри, А. Гамильтоном и др.) накануне Войны за независимость. Талейран предлагал следующую формулу отношений метрополии и колоний: "Никакого господства, никакой монополии. Сила, которая защищает, но не угнетает. Справедливость, доброжелательность – вот источник обоюдного процветания"⁴⁶. Упор должен был делаться на то, что современные исследователи называют лингвистическим и культурным колониализмом⁴⁷. В остальном: "Колония должна быть независимой в политическом отношении, свободной в области производства, в создании своей промышленности, в торговле. И пусть совершенно не опасаются такой свободы"⁴⁸. Собственно, это была та "империя без метрополии", которую отстаивали американские патриоты в 1774 г.

Продолжая разговор об американском влиянии на Талейрана, следует упомянуть точку зрения Л. Мадлена. Он предполагал, что именно у американских федералистов Талейран заимствовал реалистическую концепцию внешней политики⁴⁹. Правда, "реализм" не был исключительной привилегией федералистов.

⁴¹ Talleyrand in America as a Financial Promoter, v. 2, p. 31.

⁴² Талейран Ш.М. Указ. соч., с. 144.

⁴³ Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 50.

⁴⁴ Talleyrand Ch.M. Essai sur les avantages à retirer des Colonies Nouvelles dans les circonstances présentes. <http://www.talleyrand.org/>

⁴⁵ Poniatowski M. Talleyrand et le Directoire, 1796–1800. Paris, 1982, p. 67, 69.

⁴⁶ Talleyrand Ch.M. Essai sur les avantages...

⁴⁷ См., напр.: Said E.W. Culture and Imperialism. New York, 1993.

⁴⁸ Цит. по: Борисов Ю.В. Указ. соч., с. 50.

⁴⁹ Madelin L. Talleyrand. Paris, 1979, p. 67–68.

Постепенно пребывание в США, на периферии тогдашнего цивилизованного мира, становится для Талейрана невыносимым. Мечты о богатстве не сбылись. Его честолюбивая натура жаждала власти, влияния – всего того, чего Америка не могла ему дать. "Я умру, если останусь здесь еще на год", – писал он своей приятельнице м-м де Сталь⁵⁰.

Переворот 9 термидора 1794 г. и падение робеспьеристов дали эмигранту некоторую надежду. К власти пришли такие же, как он сам, – алчные, честолюбивые политики, не обремененные строгостью принципов. Впрочем, вскоре выяснилось, что термидорианцы не торопятся менять политику в отношении эмигрантов. Это не устраивало Талейрана, ясно сознававшего, что перемены, происшедшие во Франции, могут благотворно сказаться на его будущей политической карьере, в успешности которой у него не было никаких сомнений.

Талейран действовал через посредство женщин – старинный французский метод плетения интриг – м-м де Сталь и любовницу депутата Конвента поэта Мари-Жозефа Шенье Эжени де ла Бушарди. Прекрасная Эжени взялась за дело энергично. Она пела своему возлюбленному трогательные баллады о судьбе несчастных изгнанников и со слезами на глазах спрашивала: "Милый Жозеф, что сегодня сделано для мсье де Талейрана?"⁵¹

4 сентября 1795 г. поэт произнес в Конvente в защиту бывшего епископа Отенского пламенную речь, в которой называл Талейрана "одним из основателей свободы", коего "тираны и рабы почтили своей ненавистью"⁵². Риторика имела успех: имя Талейрана было вычеркнуто из списка эмигрантов. Конвент дал ему разрешение вернуться во Францию. Через год бывший эмигрант прибыл в Париж.

Его американская эпопея имела неожиданный эпилог. В 1797 г. Талейран – уже министр иностранных дел Французской республики – должен был вести переговоры с американскими представителями в Париже. После подписания договора Джея между Англией и США американско-французские отношения резко ухудшились. В ноябре 1795 г. американское правительство отозвало из Франции своего посла Дж. Монро. Директория отказалась признать нового посла США и даже пригрозила ему арестом. Французские каперы стали захватывать американские суда. Федералисты развернули в печати кампанию против "имперских амбиций галлов". Антифранцузские настроения в США нарастали. Было совершено нападение на издателя республиканской газеты "Аугора", известного своими симпатиями к Франции; его дом был подожжен. В ухудшении отношений американцы винили, в частности, Талейрана. Государственный секретарь Т. Пикеринг писал Гамильтону об очередном ухудшении американско-французских отношений: "Бывший эмигрант, который живет ныне в Париже, уверил их (Директорию – М.Ф.), что США имеют не больше веса и что с ними надо обращаться не более почтительно, чем с Генуей или Женовой"⁵³. Сам Талейран, разумеется, уверял своего американского друга в обратном: "Я, разумеется, не преминул сказать, что вовсе не верю в отдаление американцев от французов; но что, если даже такое отдаление существовало, не было бы ничего более естественного после безумного и дерзкого поведения французских агентов, которые всегда показывали себя врагами вашего правительства"⁵⁴.

И все же президент Дж. Адамс верил в возможность мирного разрешения конфликта. В мае 1797 г. он резко осудил враждебные действия Франции, но одновременно отправил туда эмиссаров для заключения договора о дружбе и торговле. Талейран даже не соизволил принять американцев. От его имени к эмиссарам США явились агенты, отрекомендовавшиеся господами X, Y и Z. (Поэтому вся история и получила название

⁵⁰ Цит. по: *ibid.*, p. 69.

⁵¹ *Poniatowski M.* Talleyrand aux Etats-Unis, p. 348; *Lawday D.* Op. cit., p. 85–87.

⁵² *Gazette of the U.S.*, October 3, 1795; *La Confession de Talleyrand* <http://www.gutenberg.org/files/20564/20564-8.txt>.
Впоследствии Шенье не раз открыто сожалел об этой речи и не скрывал неприязни к Талейрану.

⁵³ *Hamilton A.* The Papers: 27 vols. Ed. by H. C. Syrett. New York – London, 1961–1987, v. 20, p. 567.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 392.

инцидента X, Y, Z.) Тайнственные господа передали американцам, что Талейран не примет их, если они не пообещают предоставить Франции крупный заем на льготных условиях, не извинятся за резкие высказывания своего президента и... не дадут самому Талейрану взятку в 250 тыс. долл. Когда американцы выразили свое изумление, один из агентов намекнул, что правительству США следовало бы знать: без денег здесь ничего не добьешься⁵⁵. Переговоры были сорваны. Едва ли французский политик ожидал такой реакции. Дж. Маршалл, один из членов американской делегации в Париже, тонко подмечал: "Это высокомерное и амбициозное правительство (французское. — М.Ф.) не желает полного разрыва с Америкой, пока воюет с англичанами, но не снизойдет до того, чтобы воздать нам справедливость или обращаться с нами, как со свободным и независимым государством"⁵⁶.

Инцидент X, Y, Z получил в США широкую огласку. Американские политические деятели реагировали на происшедшее по-разному: одни не верили в правдивость сведений о намеках на взятки⁵⁷, другие возмущались бесцеремонностью Франции. Повсюду устраивались митинги и патриотические банкеты. Толпы людей на улицах американских городов изо дня в день скандировали федералистский лозунг: "Миллионы на оборону, ни цента на взятки!"⁵⁸. В ноябре 1798 г. между двумя республиками началась "необъявленная война". Она развивалась благоприятно для США. Молодое государство быстро наращивало военную мощь. За два года "необъявленной войны" было снаряжено около 50 судов. К зиме 1798 г. прибрежные воды были очищены от французских каперов; значительная часть их была захвачена. В крупном морском сражении американский фрегат "Констелейшн" пленил один из лучших кораблей противника. В этих условиях Талейран пытался найти возможность мирного урегулирования конфликта: помимо того, что действия американцев наносили ущерб французскому мореплаванию, они препятствовали поставкам из США продовольствия и других товаров. В своем стремлении к миру французский министр иностранных дел встретил поддержку американского президента. Адамс считал, что даже возможный захват французских и испанских колоний не компенсирует потери от прекращения нейтральной торговли. К тому же он видел, что состояние войны усиливает враждебную ему фракцию гамилтоновских федералистов. Вопреки сопротивлению гамилтоновцев, Адамс направил в конце 1799 г. делегацию в Париж. В 1800 г. была заключена Мортфонтэнская франко-американская конвенция, которая аннулировала союзный договор 1778 г., провозгласила мир и дружбу между двумя странами и нормализовала их торговые отношения⁵⁹.

Так завершились взаимоотношения Талейрана и США. Республиканские добродетели ранней Америки остались для него глубоко чуждыми. Но он, несомненно, обогатился новым опытом, не столько в искусстве дипломатии, сколько в стремлении обогащаться любыми способами и всегда связывать политическую карьеру и богатство.

⁵⁵ Marshall J. The Papers: 5 vols. Ed. by H. A. Johnson. Chapel Hill, 1974, v. 3, p. 170–173.

⁵⁶ John Marshall on the French Revolution and on American Politics. — William and Mary Quarterly, v. 12 (October 1955), p. 643.

⁵⁷ Дж. Мэдисон, например, не мог поверить, что Талейран, прекрасно знакомый с США, способен совершить подобную глупость: Madison J. The Papers: 17 vols. Ed. by W. T. Hutchinson and W. M. E. Rachal. Chicago — Charlottesville, 1962–1991, v. 17, p. 113.

⁵⁸ Ray Th.M. "Not One Cent for Tribute": The Public Addresses and American Popular Reaction to the XYZ Affair, 1798–1799. — Journal of the Early Republic, v. 3 (Winter 1983), p. 389–412.

⁵⁹ Об истории "необъявленной войны" см.: DeConde A. The Quasi-War: The Politics and Diplomacy of the Undeclared War with France. New York, 1966; Stinchcomb W. Talleyrand and the American Negotiations of 1797–1798. — Journal of American History, v. 62 (December 1975), p. 575–590; Elkins S., McKittrick E. The Age of Federalism. The Early American Republic, 1788–1800. New York — Oxford, 1993, p. 549–693; Краснов Н.А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. М., 2000, с. 313–354.